

Сун Чжиянь: Вы не видели мою жену? [jpg с нежной улыбкой] [jpg с уходом за цветами] [jpg со съемок] и еще 1250 фотографий.

Примечание: история о том, как главный герой, будучи в Море Сансары, оставался в реальности овощем, но спустя десять лет вернулся и встретил своего маленького бедолагу, который все эти годы не бросал его и помог ему снова взойти на вершину шоу-бизнеса.

1. Возвращение

Повсюду желтые пески, в воздухе стоит столбом пыль. Лицо Сун Чжияня замотано так плотно, что наружу выглядывают лишь глаза, яркие, как звезды. Больше ни единого дюйма кожи не открыто палящему солнцу.

При такой температуре льняная ткань хоть и защищает от лучей, но жар от земли поднимается непрерывный. Одежда пропиталась потом, высохла, и теперь покрыта кристаллами соли. Если бы кто-то мог видеть сквозь повязки, то ужаснулся бы: потрескавшиеся, мертвенно-бледные губы выдавали, в каком плачевном состоянии он находится.

Будь на его месте кто другой, давно бы свалился без чувств. Но как бы ни страдал Сун Чжиянь, выражение его глаз не менялось ни на йоту. Лишь зрачки, устремленные вдаль, сияли ярче песка под солнцем, пока он шаг за шагом пробирался через бесконечную пустыню.

Если бы история продолжалась так и дальше, это был бы рассказ о тяжелом выживании странника в песках, и именно такого сюжета хотел Сун Чжиянь.

Однако судьба распорядилась иначе, и случайности случаются повсюду. В следующее мгновение пространство содрогнулось, земля треснула, небо разбилось, и всепоглощающие вихри хаоса в одночасье захватили мир.словно настал апокалипсис: все рушилось и распадалось.

Глядя на эту сцену, Сун Чжиянь не только не испугался, но даже едва заметно закатил глаза от раздражения.

— Неужели эти сопляки не могут дать мне спокойно пожить хоть немного? — пробормотал он, грубо сорвал с шеи шарф и швырнул его под ноги.

Без защиты ткани его лицо — бледное и осунувшееся от долгого недоедания, с ужасными трещинами на губах от нехватки воды — полностью открылось миру. Но самое поразительное произошло в считанные секунды: тело, измученное природой до полусмерти, начало восстанавливаться с пугающей скоростью.

Ткани стремительно регенерировали, распад сменялся обновлением. Никто не назвал бы это чудом, скорее — чем-то жутким.

К счастью, благодаря быстрому притоку сил и сознательному контролю, уже через мгновение от изможденного выживальщика не осталось и следа. Его сменил сторонний наблюдатель, который с самым безмятежным видом взирал на то, как мир вокруг него вновь погружается в небытие.

Сун Чжиянь засунул руки в карманы брюк, слегка задрал голову к пустому небу. Его прищуренные глаза и нахмуренные брови говорили о том, что настроение у него было не просто плохим, а отвратительным.

— Чего прячешься? Думаешь, я тебя не вижу, черт возьми?!

Стоило ему закончить, как из пространства действительно возник юноша. Он почесал затылок и неловко заулыбался:

— Босс, ну зачем вы снова занялись самоистязанием? После того как вы создали пространство и запечатали свои силы, вещи такого уровня на нас уже давно не действуют.

Сун Чжиянь, который до этого прикрыл глаза, анализируя события, происходившие в мире за время его отсутствия, приоткрыл один глаз и с явным пренебрежением взглянул на юношу:

— Ло Фан, Ло Фан... Вот почему я босс, а ты — всего лишь младший брат.

Он медленно покачал головой, в его тоне слышалось разочарование. Ло Фан привык к насмешкам. Они прожили вместе не одну сотню, а то и тысячу лет, поэтому все знали характер этого босса. Сейчас Ло Фан не посмел возразить, наоборот, одарил его подобострастной улыбкой:

— Да-да, вы мудры и величественны, вы гениальны, куда уж нам понять ход ваших мыслей.

Сун Чжиянь без колебаний отвесил ему подзатыльник:

— Короче, выкладывай, зачем пришел!

Выразив свое недовольство, он не удержался и добавил:

— Слишком наиграно! Я вас этому учил?!

— Перед вами разве нужно играть? Это же искренние чувства, самые искренние!

Сун Чжиянь не стал слушать его бред, провел рукой по волосам, зачесав длинные пряди назад и открыв высокий лоб, отчего стал выглядеть еще бодрее и привлекательнее. Он искоса

посмотрел на этого начинающего лекаря Мира Сансары:

— Опять какую-то хрень натворил?

Ах, даже ему самому стало грустно. Раньше, еще до того как попасть в Мир Сансары, он был наследником богатой семьи, и всегда находились люди, которые выполняли его поручения. А теперь, став одним из великих столпов Мира Сансары, он вынужден подтирать сопли этим мелким засранцем!

Ло Фан подмигнул ему и тут же отскочил на пять метров:

— Что вы, босс! В этот раз не я. Это Хуа Ба, папаша Хуа приглашает вас на свадьбу.

— Этот идиот Хуа Ба сколько раз в год собирается жениться?! Он что, боится, что люди не узнают, что у него есть жена? Что за бред? Не верит, что я завтра же сожгу его спальню Пламенем Ничто?!

Ло Фан метался из стороны в сторону, уворачиваясь от молний, которые начали исходить от Сун Чжияня, и вопил:

— Ой! Он сказал, что это шестьсот восемьдесят шестая годовщина их первого медового месяца, а не свадьба, босс! Умерьте гнев! Я здесь ни при чем!

Ло Фан мог бы и промолчать, но его вопли лишь напомнили Сун Чжияню о его существовании. Он холодно усмехнулся и, хотя молнии исчезли, выпустил ауру, которая обрушилась на Ло Фана с такой мощью, что тот рухнул на колени, едва не вжавшись в землю.

Сун Чжиянь смотрел на него сверху вниз, слегка улыбаясь, но в его голосе сквозила такая ярость, что ее невозможно было игнорировать:

— Ло Фан, ты становишься слишком дерзким. Я ведь просил тебя не беспокоить меня по пустякам?

Глядя на внезапно похолодевшего Сун Чжияня и ощутив волну убийственного намерения, Ло Фан почувствовал, как сжались его зрачки. Он не мог пошевелить даже пальцем. Это было абсолютное подавление силой. Это был негласный король Мира Сансары! Он всегда был таким своенравным, иногда даже казался дружелюбным, но кто мог сказать, что у него на самом деле хороший характер?

Высокомерие и презрение ко всему сущему были высечены у него в костях. Если он молчал, то лишь потому, что ему было лень спорить.

Ло Фан низко опустил голову, безмолвно выражая покорность, где только делась его недавняя веселость.

Сун Чжиянь еще немного посмотрел на него и, наконец, убрал давление:

— Твоя боевая мощь все еще слишком слаба. Если случится что-то непредвиденное, от тебя и мокрого места не останется.

Хотя это звучало как нотация, Ло Фан заметно выдохнул. Он с трудом поднялся, вытер пот со лба и закивал, как курица, клюющая зерна:

— Босс прав, босс абсолютно прав.

Сун Чжиянь хмыкнул, бросив на него равнодушный взгляд:

— Смертной казни избежал, но от наказания не уйдешь.

Он щелкнул пальцами, легко запечатав все силы лекаря. Увидев лицо Ло Фана, выражавшее вселенскую скорбь, он злорадно улыбнулся:

— Постарайся. Выберешься из этой пустыни — поймешь, в чем польза такой тренировки.

Слушая крики Ло Фана, Сун Чжиянь, уже переместившийся в пустоту, пожал плечами. Если для него самого такие тренировки были лишь способом скоротать скуку, то для таких, как Ло Фан, они были весьма полезны.

По крайней мере, помогут сбросить лишний жирок... наверное?

...

В огромном серебристо-белом пространстве сияющий шар излучал мягкий желтый свет. Его окружали черные цепи, медленно вращающиеся в воздухе. Это были Небесный Путь и Законы, управляющие основами бесчисленных миров.

Белый шар мигал, как нечто вечное в этом тихом месте. Однако в следующее мгновение этот мир, сотканный из серебра, независимый и безжизненный, внезапно затрясся, словно от землетрясения.

Частота мигания шара на мгновение сбилась.

Но это было лишь начало. После толчков наступила тишина, а затем серебряный занавес

треснул, обнажая снаружи холодные вихри хаоса, и кусок потолка рухнул вниз!

По сравнению с этим, разрыв пространства, который устроил Сун Чжиянь ранее, был просто детской забавой.

Шар, едва не раздавленный обломком: Черт возьми!

Через три секунды пространство снова дрогнуло, и оттуда вышел человек. Кто же еще, кроме Сун Чжияня? Теперь он привел себя в порядок, коротко остриг волосы, облачился в кожаный костюм — выглядел он стильно и решительно, настоящий авианосец среди богов.

Глядя на этого самодовольного типа, шар пришел в ярость и засиял так ярко, что слепило глаза. Перед Сун Чжиянем появилась надпись кроваво-красными буквами: Сун Чжиянь, ты можешь хоть раз уgomониться?! Мир Хунмэн тебе чем-то обязан? Почему ты каждый раз его разбираешь?!

Сун Чжиянь лениво взглянул на него:

— Слишком ярко, глаза режет.

Шар, казалось, был в ярости, буквы начали стекать кровью: Не нравится — не приходи, идиот!

— Скучно, соскучился по тебе. Будучи Небесным Путем, веди себя приличнее, не ругайся, позоришься же.

Надпись задрожала, явно на пределе терпения, и сменилась на странный зеленый цвет: Не твое дело — иди подерись с У Хао и остальными! Выполняй задания, поддерживай мир! Иди поиздевайся над сынами удачи! Не смей больше меня доставать!

Сун Чжиянь усмехнулся:

— Никакой фантазии.

Шар бессильно замер. Когда-то давно он, по традиции, проводил отбор и забросил миллиарды людей в миры Хунмэн, требуя от них найти первородные законы для его укрепления. Выжили немногие, но тот, кто дошел до такого уровня и теперь дерзил ему, был самым упрямым и несносным типом!

Зачем он его тогда выбрал...

Хотя Сун Чжиянь был невыносим, Небесный Путь считал себя принципиальным. К тем, кто ему

помогал, он относился вежливо, пока не задевали его границы. Он молча успокоился:

— Хуа Ба приглашал тебя на свадьбу, почему не пошел?

— Смотреть, как эта парочка выставляет чувства напоказ? Черт, нормальный мужик перед своей женой так себя ведет? Я боюсь, что не сдержусь и призову молнии им на головы. — Сун Чжиянь изобразил дрожь, а затем снова принял безразличное выражение лица.

Шар вспомнил поведение Хуа Ба. Хотя он и подколот Сун Чжияня за то, что тот холостяк уже тысячи лет и не выносит чужого счастья, но, вспомнив приторную сладость этих двоих, почувствовал, как заныли даже несуществующие зубы.

Не добившись своего, шар решил отправить его подальше:

— Может, хочешь вернуться домой, как У Хун и остальные?

Сун Чжиянь безразлично съязвил:

— Полезность исчерпана, теперь хочешь избавиться?

Шар [спокойно] [назидательно]: Как можно! Я же о тебе забочусь! Вижу, что тебе скучно~

Сун Чжиянь с рыбьими глазами: Ха-ха.

Небесный Путь пришел в ярость, из шара высунулась птичья лапка и пнула его: Иди к черту!!

2. Сокровище

Сун Чжиянь никак не ожидал, что этот круглый шар сыграет так подло! Он улучил момент, когда Сун Чжиянь отвлекся, и забросил его сознание в его самое первое тело! Кто знает, в каком уголке памяти за последние тысячи лет были похоронены эти короткие десять с лишним лет жизни?

В отличие от У Хуна и остальных, даже достигнув вершины мира, он никогда не пытался вспоминать ту жизнь. Все это не имело смысла, он ведь уже давно не тот человек, что уничтожает тысячи муравьев одним взмахом руки...

Жаль только, что этот шар установил запрет! Сун Чжиянь, притворяясь спящим, мысленно выругался, но ему придется задержаться здесь на несколько дней, пока он не снимет ограничение и не придет свести счеты.

Сейчас была ранняя весна, апрель. Яркое солнце заливало комнату, вытесняя затхлость, оставив лишь ощущение уюта. Сун Чжиянь лежал, чувствуя, как раздражение понемногу отступает.

Если бы не слабый запах лекарств и звук медицинских приборов, можно было бы подумать, что это обычная светлая комната, а не больничная палата.

Сун Чжиянь слегка пошевелил конечностями. Они были затекшими, но, к счастью, в хорошем состоянии. Если бы у него начались пролежни или атрофия мышц, он бы с отвращением покинул эту оболочку. В конце концов, как только его духовная сила восстановится, он сможет снять запрет Небесного Пути и создать физическое тело, а не тащить на себе этот груз.

Он не ожидал, что ситуация обернется так.

Его сознание пребывало в пространстве Главного Бога так долго — даже если время там течет иначе, прошло по меньшей мере десять лет.

И вот этот овощ, пролежавший столько лет, был в таком хорошем состоянии. Сун Чжиянь был озадачен.

Он тщательно обдумал все, что знал: вряд ли его мачеха, внешне добрая, но завистливая и жестокая внутри, стала бы так хорошо заботиться о нем после того, как он впал в кому. Вероятно, она просто выделила бы комнату и ждала, пока он сам зачахнет.

Не найдя ответа, Сун Чжиянь не стал ломать голову. Он закрыл глаза и с помощью своей мощной духовной силы начал сканировать состояние тела. В любом случае, скоро кто-то придет, и он все узнает.

В этот момент его чуткий слух уловил шаги. Двое приближались быстро, один из них что-то оживленно и тревожно говорил.

О! Легко на помине.

Сун Чжиянь слегка усмехнулся, услышав, как шаги остановились прямо у двери.

— Чжан Цзиньсяо, черт возьми, что происходит! Скажи мне прямо, чем ты умудрился насолить семье Сун?! Эта роль была у нас в кармане, режиссер обещал! Почему все сорвалось?! Почему они нацелились именно на тебя?!

Тонкие пальцы, лежавшие на дверной ручке, на мгновение замерли, а затем разжались. За дверью воцарилось молчание.

— Ничего. Я почти не встречался с ними. Просто моих сил недостаточно, винить других не в чем.

Его голос был спокойным, будто речь шла о сущих пустяках, что резко контрастировало с горячностью собеседника.

Это отношение лишь сильнее разозлило того человека:

— Чжан Цзиньсяо! Сколько раз я это слышал? Раз, два — можно списать на случайность, три, четыре — я терпел, но сколько можно? Ты что, держишь меня за дурака?

Чжан Цзиньсяо молча выслушал тираду, без тени раздражения. Когда тот выдохся, он лишь мягко улыбнулся:

— Ань-Ань, не злись.

Му Ань задохнулся от возмущения, готовый прожечь в нем дыру:

— Какая я тебе Ань-Ань? Еще раз так назовешь, посажу на скамейку запасных! Ты только и умеешь, что смиренно принимать удары! Вместо того чтобы говорить мне это, лучше бы нормально поговорил с семьей Сун, решил бы конфликт, разве нет?

При упоминании этого выражения лица Чжан Цзиньсяо слегка изменилось. Он посмотрел на Му Аня и покачал головой:

— Я же сказал, я почти не видел их и не хочу видеть впредь.

По этому выражению Му Ань понял: решение принято, и восемь быков его не сдвинут. Он лишь вздохнул, жалея Чжан Цзиньсяо:

— Семь лет. Ты был первым, кого я подписал, но за эти семь лет ты так и остался второсортным актером. Те, кто пришел позже, уже сияют на вершине, хотя твой талант... Эх, неужели ты сам не жалеешь?

На этот раз Чжан Цзиньсяо молчал целых три секунды, а затем отвел взгляд и тихо произнес:

— Что суждено — мое, что потеряно — не судьба. Зачем требовать большего? Нет никаких сожалений. Я пришел в этот бизнес лишь ради того, чтобы прокормить себя.

Что суждено — мое, что потеряно — не судьба?

Хорошо сказано. Если бы не сжатые в кулаки руки, даже Сун Чжиянь поверил бы ему.

Разговор за дверью продолжался, но Му Ань, видя упрямство Чжан Цзиньсяо, лишь вздыхал. Дел было невпроворот, и в конце концов он добавил:

— Столько лет ты тратил большую часть заработка на него. Я не вмешивался, потому что не имел права, но теперь ты должен подумать о себе.

Му Ань высказал свое мнение, но прислушается ли Чжан Цзиньсяо — было не в его власти.

Торопясь в компанию, он развернулся и ушел, не оглядываясь. Чжан Цзиньсяо стоял у двери, его рука, сжимавшая ручку, словно не слушалась его. Спустя долгое время он лишь тяжело вздохнул.

Сун Чжиянь, лежавший на кровати, слышал каждое слово. Этот вздох, казалось, стал острейшим оружием, которое пронзило его, несмотря на закаленную в боях броню.

<http://bllate.org/book/19085/1874241>